

**МОЖНО ЛИ БЫТЬ
ХОРОШИМ
И НЕ СПАСТИСЬ?**

**Можно ли быть
хорошим и не спастись?**

«Новая мысль»

2013

Можно ли быть хорошим и не спастись? / «Новая мысль», 2013

Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного. Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает современное светское общество.

, 2013

© Новая мысль, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
«Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?»	7
Почему некоторым трудно поверить в Бога?	9
Защита против совести	11
Почему мы православные?	13
Глава 2	15
Миф о «братстве религий»	15
Христианство истинно	18
Почему существует много религий?	19
Можно ли быть хорошим человеком без христианства?	20
Спаситель безнадежных, или можно ли быть хорошим и не спастись	22
О том, почему каждому образованному человеку необходимо узнать Православие	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Составитель Алексей Фомин

Можно ли быть хорошим и не спастись?

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-303-0286

Почему некоторым трудно поверить в Бога?
Миф о «братстве религий»
Есть ли разница, как верить во Христа?
Знаки Промысла Божия в жизни человека
Можно ли «верить в душе» и спастись, не посещая храм?
Как относиться к последователям других религий?

© Фомин А. В. Составитель, 2011.

© ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ», 2011.

© Верстка, оформление, обложка – ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ»

Полное или частичное воспроизведение настоящего издания каким-либо способом, включая электронные, механические или магнитные носители, в т. ч. фотокопирование, допускается только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Все права авторов защищены.

Все права на издание и название защищены.

Переиздание возможно только с письменного разрешения ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОВАЯ МЫСЛЬ».

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ»

www.povm.ru

Предисловие

Испокон веков человек искал ответы на главные вопросы бытия: кто я, в чем цель моего существования, для чего существует мир, продолжаем ли мы существовать после смерти. Вопрос о цели, смысле жизни добавляет к повседневным человеческим испытаниям и страданиям дополнительное, глобальное – а для чего я страдаю вообще? Он не дает нам ощутить удовлетворение, даже когда какие-то из наших повседневных желаний временно исполняются. Человек, достигший желанной цели, довольно быстро начинает чувствовать снова отсутствие удовлетворения. Оглядываясь назад, он видит, как много времени провел в мучительных усилиях по достижению желаемого, но почти не наслаждался достигнутым.

На определенном уровне эволюции человека сознание начинает ставить перед собой более высокие духовные цели, чем, например, распознавание добра и зла, искать такой смысл жизни, который не уничтожался бы смертью...

«Сегодня как никогда назрела острая необходимость в формулировке четких и ясных критериев, которые позволили бы отличить истинный путь к Богу от ложного.

Христианам, которые ослеплены лживой пропагандой о «духовном единстве религий», можно порекомендовать познакомиться с этими религиями поближе. Возможно, в этом случае многие вопросы для них сами собой отпадут и они вспомнят слова Священного Писания о том, что вне Христа нет спасения (Деян. 4, 11). Лучше следовать этой истине, будучи учеником Христа, чем следовать моде на некритическую толерантность, которую христианам навязывает светское современное общество. Иисус учил: «Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18, 36). Если человек предпочитает Царству Христа мир сей, это его право, христианину же следует помнить слова Иисуса: «Я победил мир» (Ин. 16, 33) и отвергать всех проповедников идей, противных Священному Писанию и Священному Преданию Христианской Церкви (Гал. 1, 8)»¹.

«Наше время – это время невероятно быстрого взаимопроникновения культур и религий, и сейчас как никогда актуальны слова апостола: «...храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6, 20), ибо мы получили от Бога истинное знание, и Церковь будет обладать им вовек (2 Ин. 1, 2), потому что в ее Главе – Господе Иисусе Христе – «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3), потому что Он и есть Истина (Ин. 14, 6).

Обладая истинным и спасительным знанием о Боге, путях нашего спасения и настоящего благочестия, Православная Церковь, которая «есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3, 15), не может и не имеет права искать иных знаний от языческих религий и сект, так как это будет удаление от Христовой истины, в которой мы стоим, поиском пустословия и ложных знаний.

Спасение наше, прежде всего, в правильной вере – «...праведный верою жив будет» (Гал. 3, 11), а потом в благочестивых делах. Потому как если христианин правильно верит (каков Бог, к какой праведности Он нас призывает, и каковы пути спасения), он правильно поступает и идет правильным путем спасения. Любое же искажение веры: ересь, суеверие, языческая и человеческая ложная мудрость приводят к тому, что человек начинает поступать по-иному и оказывается вне пути спасения, «потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14)»².

¹ Питанов В. Ю.

² Максим Степаненко, руководитель Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ. Миссионерско-апологетический проект «К Истине».

Глава 1

Спасется ли человек без парашюта?

«Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?»

Профессор Андрей Зубов в лекциях «История религий», прочитанных в городе Екатеринбурге летом 2001 года говорит: «Я обрел веру лет двадцати пяти от роду после того, как я долго, в общем-то, искал ее. Я родился в семье нерелигиозной и, пожалуй, какую-то религиозность, впрочем, очень далекую от настоящего христианства, мне могла передать только моя няня, в некотором роде Арина Родионовна. Однако вера, религиозные ощущения были со мной, ну, буквально, с самого начала. Я помню, как я ребенком ужасался идее своей конечности, своей смертности так, что спать не мог по ночам. Мне было страшно оттого, что меня не будет. Как это может быть? Вот все это будет: мир будет, солнце будет, а меня не будет. Потом, где-то, когда мне было лет 8 или 9, я с некоторым ужасом переживал идею адских мук. Ну, опять же, через мою няню мне передано было это знание. А потом я получил от своей пожилой тетушки ее Новый Завет на русском языке, который ей подарили, когда она еще училась в Петербурге в одной из хороших гимназий до революции. Она его передала мне. Я его храню до сих пор. Тогда я начал его читать и (мне было тогда лет 12–14) мало что понял, хотя там все совершенно понятно, как теперь кажется, но текст был закрыт для меня. Но я выучил почему-то на русском языке на память молитву «Отче наш» и взял за правило ее читать вечером в кровати, не имея при этом никакой глубокой религиозной интенции. Я это делал какое-то время, и потом лет в 16, наверное, прекратил. Но я вот сейчас в глубине души чувствую, что это имело большое значение для моей жизни.

А потом прошло много самых разных событий, и когда мне было около 25 лет, одним прекрасным вечером... Я к тому времени был кандидатом наук, гуманитарием, специалистом по современной истории Востока. В то время я имел некоторый материальный достаток и жил по тогдашним советским условиям совсем неплохо, ни в чем не испытывал большой нужды и даже малой какой-то потребности. Жил хорошо. Я, в общем-то, так получилось, был рожден в достаточно привилегированной семье высшего московского чиновничества, поэтому во многом не испытывал недостатков. И вот в какой-то момент, имея жену, дочь, квартиру, кандидатскую диссертацию – все, в общем, что можно было и желать для жизни, я сбесился с жиру, т. е. я вдруг понял, что все это абсолютно не нужно, что это все ничто. **Зачем это все нужно, если все это кончается ничем?** Более того, я по-настоящему увлекся наукой и с удовольствием работал, как научный исследователь (мне было страшно интересно работать, я писал тогда вторую свою книгу). И вдруг я ясно понял, что в книге (не по цензурным соображениям, хотя и по ним тоже, но самое главное потому, что вообще очень много в душе есть невыразимого) я выражу себя процентов на 5–10, а все остальное я не скажу ни жене, ни другу, ни в книге – никому, как и каждый, наверное, из вас. Это все умрет вместе со мной и уйдет в небытие. Так зачем все это? И потом, я также понял, что есть некоторое нравственное измерение жизни, что безнравственная жизнь – это плохо, но почему плохо? Если и праведник, и грешник, если нравственный и безнравственный равно уходят в пустоту, в небытие, то не все ли равно, как жить? Вот эти три мысли в какой-то момент меня озарили, и хотя это мысли элементарные, они заставили меня чисто умозрительно, чисто философски понять, что если нет цели жизни, вынесенной за пределы этой жизни, то тогда у жизни вообще нет цели. Кроме того, я понял одну простую вещь. Ненадолго отвлечемся, Я поясню это примером. Каждый, наверное, из нас живет совокупностью частных целей: скажем, сегодня мы ставим себе задачу пойти в кино,

мы ставим задачу написать книгу, мы ставим задачу разбогатеть, мы ставим задачу скопить денег и поехать на юг отдохнуть и тысячу других задач, больших и маленьких. Но если все эти задачи реализуются только после того, как подготовка к ним исполнена, то когда реализуется вся жизнь?

Получается, что совокупность частных задач ведет в никуда. Такого быть просто не может. И я ясно тогда понял, что должна быть некая абсолютная цель, вынесенная за пределы этой жизни, цель, для которой вся эта жизнь является подготовкой, так же как накопление денег является подготовкой для поездки на юг летом. А коль так, то у этой цели нашей жизни должен быть какой-то оценочный смысл – почему? Ну, если все здесь плохое или хорошее кончается смертью, то должно быть нечто такое, где хорошее и плохое, наконец, себя как бы реализует, себя проявляет, следовательно, есть нечто реализующее между добром и злом, и, следовательно, есть то, что люди называют Богом».

Зубов А.Б., доктор исторических наук, профессор МГИМО и Православного университета им. апостола Иоанна Богослова

Лекции по истории религий, прочитанные в Екатеринбурге проф. А.Б. Зубовым. М.: Никея, 2009.

Почему некоторым трудно поверить в Бога?

Стремление человека к Богу – это естественный процесс. Как черепаха, вылупившаяся из яйца под действием неведомых сил стремится к воде, так и человек, появившись на свет, начинает свой путь к Богу. Нет людей, не стремящихся к Богу. Не важно, делает ли это человек осознанно или нет, это стремление заложено в каждом из нас от рождения. Подтвердить это может тот факт, что спрашивая любого человека и себя, в том числе, об отношении к Вере и к Богу вы получите вполне аргументированный, продуманный ответ о том, почему человек верит в Бога или не приемлет Его. Это говорит о том, что каждый человек в той или иной степени задумывался об этом и пришел к определенным выводам. Задайте человеку вопрос, например, о структуре вселенной и вы, скорее всего, получите нейтральный ответ – не знаю, может быть, хотя оба эти вопроса и вопрос существования Бога и структура вселенной в равной степени являются глобальными и лежат, по крайней мере, в данное время, за пределами возможностей физического или научного познания и трактуются, с этой точки зрения, только на уровне гипотез. Оба эти вопроса могут рассматриваться только в области веры и интуиции, однако, ответ на первый вопрос имеет каждый человек и обсуждение этого вопроса вызывает бурю эмоций, в то время, как второй вопрос абсолютно нейтрален и, если кто либо и сообщит вам о новой теории вселенной вы это воспримите всего лишь, как одну из теорий. Почему это происходит? Почему два вопроса лежащих в области веры настолько по-разному отзываются в нас? Почему человек не приемлет Веру в Бога, но вполне допускает веру в квантовую теорию и теорию большого взрыва? Как правило, мы не задаем себе этих вопросов, хотя они очевидны и лежат на поверхности. Если мы задумаемся над этим вопросом еще глубже, мы увидим, что все наши знания на самом деле на 99 % представляют из себя веру во что-то – в то, что структура атома такова, как мы ее изучали в школе, что мы поедем этим летом в отпуск, что свет обладает волновой природой, что нам повысят зарплату, что постоянная Планка равна $6,62610^{-34}$ Джс, и т. д. Во всех этих вещах мы не можем быть уверены, что так и есть или будет на самом деле, однако мы верим себе, учителям, ученым, что их теории верны и рассчитаны правильно. Вся наша жизнь состоит из веры во что-то и, зачастую, человек не приемлет только веру в Бога, мотивируя это тем, что существование Бога недоказуемо, а вера в недоказуемое является глупостью. Почему тогда мы все же принимаем на веру так много, но не можем смириться с верой в Бога? Почему такая масса противоречий? Почему мы доверяем ученым, которые говорят нам о структуре вселенной и не доверяем, например, мудрости людей познавших Бога, людей которые посвятили этому вопросу всю свою жизнь и нашли на него ответ, людям, которые в наибольшей степени достойны доверия? Может быть потому, что глубоко задумавшись, не на поверхности, а опустившись в глубины своего сознания, мы ощущаем то, что там в глубине нас самих есть какая-то тайна, есть что-то постоянное, вечное, часть, которая знает Бога. Задумывались ли мы о том, что, если быть честными перед самим собой, то как раз существование Бога не лежит в области веры, а лежит в области нашего внутреннего знания. Эта теория уже обдумана и доказана каждым перед самим собой в значительно большей степени, чем теория строения атома или корпускулярная теория света. Если этот вопрос нами уже решен, то что же тогда такое спор о Вере в существование Бога? Не является ли он спором не о Боге, а спором со своей собственной совестью? И именно этот факт объясняет столь эмоциональную реакцию при обсуждении этого вопроса потому, что затрагивает нас изнутри, он затрагивает нашу сокровенную часть, наше внутреннее «Я» и отзывается той или иной эмоциональной реакцией. Разве суть этой реакции в факте существования или не существования Бога? Вызовет ли в нас такую же реакцию утверждение, что свет не обладает корпускулярной природой? Очевидно, что нет. В чем же причина? Не в том ли, что хотим мы, чтобы Бог существовал или нет, выгодно ли это нам, не опасно ли это для нас? Не потому, ли мы так горячо говорим о спорности высшей

справедливости Бога, что не можем принять справедливость всего происходящего с нами? Не в этом ли суть вопроса о существовании Бога? Подумайте, задайте себе еще и еще раз этот вопрос, ощутите, свое прятие или неприятие Бога, докопайтесь до сути и найдите то почему Вам не выгодно существование Бога. Ищите не веру – она у Вас уже есть, а причину неверия. Обретя Веру вы получите огромное облегчение, ведь так сложно от самого себя скрывать то, что вы уже знаете – это требует невероятных усилий.

Вера это особого рода знание, которое дано каждому человеку, это знание уже у нас есть, а весь вопрос веры сводится к тому, чтобы скрыть от себя это знание и перевести его в область веры потому, что знание Бога для нас опасно, оно разрушает наше эго, подрывает его корни и приводит к смерти, к смерти эго. «... Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рождённое от плоти есть плоть, а рождённое от Духа есть дух». Не спорьте ни с кем о Боге – спорьте с собой, со своим эго. Посмотрите на этот вопрос честно и ищите причину неверия в себе, причину, почему Вы скрываете от себя существование Бога. Не поддавайтесь на обман эго, которое если даже под напором аргументов примет факт существования Бога, однако обманет и напугает в другом – в жестокости Бога и неотвратимости наказания, в суде по букве закона. Исаак Сирий пишет: «... те кто исполняет букву закона судят по делам и расстраиваются, когда совершают ошибку даже в малом, а те, кто принял Бога, даже если поступают неправильно, радуются потому, что приняли Бога в душе». Бог есть любовь, а любовь не может наказывать. Это эго предохраняет нас от знания Бога, от полноты знания Бога, т. к. Бог есть смерть эго.

В действительности же Бог всегда с нами. Все, что нам нужно – это не скрывать Бога от самого себя.

Стрижов Н. © Memoriam.ru

Защита против совести

Я думаю, что атеизм как «опытное знание» – недоразумение. Идеологический атеизм, скажем, философия атеизма может просто соответствовать тому воспитанию, которое вы получили, но когда человек говорит: «Я о Боге ничего не знаю, и поэтому Его не может быть», – это очень примитивный подход. Я могу быть слепым или глухим, ничего не знать о музыке или о видимом мире, но это не доказывает, что его нет. Это может быть осложнено тем, что люди злой воли или сами ослепленные (бывают и другие причины: я вам дам один пример очень любопытный) закрывают другим путь к вере, просто стараясь как бы умертвить способность верить, сводя веру к какому-то религиозному положению, тогда как вера должна охватывать гораздо большую область.

Но иногда человек делается неверующим потому, что это его единственная защита против совести. Мне сейчас вспомнился рассказ одного умного, тонкого, образованного священника в Париже. Когда-то он был «безбожником», то есть он без Бога жил и считал себя слишком культурным и развитым, чтобы даже думать о том, чтобы быть верующим. Он разговаривал с одним священником. Сельский священник без всякого особенного образования, который попал из России в эмиграцию, его долго слушал и сказал ему две вещи: «Во-первых, Саша, не так уж важно, что ты в Бога не веришь – Ему от этого ничего, а замечательно, что Бог в тебя верит». И второе: «А ты, Саша, пойдика домой и подумай, в какой момент и почему ты веру потерял, в какой момент тебе оказалось нужным, чтобы Бога не было».

Саша вернулся домой и стал думать; он был озадачен такой постановкой вопроса, таким подходом: он ожидал миссионерской речи или указания читать какие-то трактаты, а вместо этого – пойдика и разберись. И он, как сам рассказывал потом, искал причины сначала в своем образовании в Богословском институте в Париже, потом в университете в России до революции, потом еще где-то, все никак не мог найти, и добрался до шестилетнего возраста. Он жил в одном из городов России, был милый мальчик, ходил в церковь каждое воскресенье и считался очень благочестивым мальчонкой: приходил, крестился, становился посреди церкви впереди и молился Богу. Каждое воскресенье ему давали одну копейку, которую он должен был положить в шапку нищего слепого; он ее клал и шел в церковь с чувством, что совершил доброе дело, оказал любовь, внимание – и теперь может пойти к Богу с чистой совестью. Как-то перед Рождеством, гуляя с матерью по городу, он набрел на магазин, где была чудная деревянная лошадь, стоившая шесть копеек. Он попросил мать ее купить, та отказала; он вернулся очень огорченный. А в следующее воскресенье, когда он шел в церковь и дошел до нищего, он подумал, что если шесть раз не дать этой копейки, он сможет купить лошадь, – и копейки не дал. Так он поступил четыре раза, а на пятый подумал: а если взять у него одну копейку, то я на две недели раньше смогу купить эту лошадь. И он у слепого украл копейку. После этого он вошел в храм и почувствовал, что не может стоять впереди: вдруг Бог его заметит, – и ушел в какой-то угол. Няня вернулась с ним домой и рассказала родителям, которые пришли в восхищение: до сих пор он был маленький, он становился перед Богом; а теперь он вошел внутрь себя, его жизнь в Боге делается более потаенной, он ищет укромного места, где он мог бы молча и созерцательно пребывать перед Богом (оптимистическая мамаша была!). А Саша чувствовал, что дело очень плохо и что надо от Бога скрываться. И вдруг вернулся из университета его старший брат, который там нахватался безбожного учения, и ему стал доказывать, что Бога нет. И Саша мне говорил: я за это ухватился. Если Бога нет, то совершенно неважно, что я украл эту копейку и не положил пяти. И с этого началось в нем «безбожие»: учение о том, что Бога нет, он воспринял как единственное спасение против укоров своей совести.

Так что когда человек говорит: «Я неверующий», – или говорит: «Бога нет!», – не всегда надо подходить с философской точки зрения, иногда можно поставить вопрос: Откуда это

идет? Не всегда можно поставить его так, как поставил Саше отец Василий, но если вы действительно хотите что-то для этого человека сделать, вы должны себе ставить вопрос за вопросом, чтобы понять; не поняв ничего, вы будете бить мимо всякой мишени.

В каком-то смысле безбожие – это научное недоразумение, это отказ от исследования всей реальности, это так же ненаучно, как сказать: для меня музыка не существует, и поэтому ее нет... Нельзя так ставить вопрос неверующему, потому что, конечно, существует слишком богатый материал, чтобы отбиваться. Но в сущности, безбожие – это нежелание принять свидетельство хотя бы истории, хотя бы отдельных людей, которые говорят: «Я знаю...»

митрополит Антоний Сурожский. Человек перед Богом. 2001

Почему мы православные?

В настоящее время мы находимся в таком положении, что уже никакими стенами и никоим образом не можем отделить себя от мира беспредельного религиозного плюрализма. Человек оказался перед лицом такого множества религиозных направлений, каждое из которых предлагает нам свои идеалы, свои нормы жизни, свои воззрения, что предыдущее поколение, пожалуй, не позавидует нам. Чуть-чуть раньше было проще. Основная проблема, перед которой стоял ищущий человек, была вполне ясна – религия и атеизм. Сейчас же, если хотите, появилось нечто гораздо более сложное и худшее. Теперь человеку, прежде чем придти к Православию, уже нужно пройти три и не простые ступени.

Первая из них уже знакомая – есть Бог или нет Его? Но если человек убедился, что Бог есть, то перед ним открывается проблема куда более трудная. Религий-то много, а какая из них истинная, кем ему стать: христианином, а почему бы не мусульманином, а почему не буддистом, почему не кришнаитом? Я не хочу перечислять далее, сейчас много религий и псевдорелигий, сект и синкретических образований и вы их лучше меня знаете. Одним словом, человек оказывается перед непрерывным вопросом: почему, почему, почему? Такова вторая ступень.

Но и пройдя сквозь дебри этого многорелигиозного древа, и убедившись в истинности христианства, человек оказывается перед лицом несколько не менее сложной задачи: а что можно назвать христианством? Ведь оно столь многолико. Кем быть: православным, католиком, протестантом (лютеранином, пятидесятником, баптистом...)? Таким образом, и на третьей ступени далеко не всё просто.

Дальше скажу по секрету, точнее, назову, но не расскажу, поскольку это требует отдельного разговора, что есть и четвертая ступень, требующая особой духовной ревности, постоянного и внимательного изучения Священного Писания и творений святых отцов-подвижников, усилий в борьбе со своими страстями и страстишками, – ступень самая трудная, почему я сразу и не назвал ее. Она состоит в познании того, что есть Православие и что означает быть православным? Вопрос этот приобретает в настоящее время всё более насущный и острый характер.

Вот перед какой ситуацией оказался современный человек. При этом представители новых и старых религий, неправославных конфессий, как правило, имеют значительно большие возможности пропаганды своих идей в средствах массовой информации, чем мы, православные.

Теперь давайте пройдем по этой анфиладе комнат, которая открывается перед каждым ищущим истину, и посмотрим хотя бы в самых общих, но принципиальных чертах, почему все-таки человек должен – не может, а действительно должен на разумных основаниях стать не просто верующим в то, что есть Бог, не просто вообще религиозным и не просто христианином, но христианином православным.

Итак, первая ступень: «Религия и атеизм». Приходится встречаться на конференциях с людьми действительно образованными, учеными, не верхоглядами, и постоянно сталкиваться с одними и теми же вопросами: Есть ли Бог? Кто Он такой? Или, если Бог есть, то почему Он не выступит с трибуны Объединенных Наций и не объявит о Себе? Даже: зачем Он нужен? И такое можно услышать. Что сказать на это?

Нет сомнений, что основным вопросом для человека, независимо от того, осознает он его или ощущает и переживает подсознательно, является вопрос о смысле жизни. И уверен, что каждый человек и все люди ответят на него совершенно однозначно: смысл, конечно же, в жизни. И не просто в жизни, но в осознанной, наполненной положительными чувствами удовлетворения, радости, любви и проч. А как же иначе? Еще никто никогда не мог и во веки

веков не будет считать и утверждать, что конечный смысл жизни человека может быть в вечном сне, в смерти.

Здесь и лежит непроходимый водораздел между религией и атеизмом. Христианство утверждает, что эта земная жизнь является только началом, условием и средством подготовки к вечности, поэтому готовься, человек, ибо тебя ожидает вечная жизнь. При этом христианство предлагает и всё то, что необходимо для достойного в нее вхождения. А что утверждает атеизм? Верь, человек, что нет вечности, нет Бога, нет души. Человеческая личность так же смертна, как и тело. Поэтому тебя и, в конечном счете, всё человечество ожидает вечная смерть. Какой ужас, какой пессимизм, какое отчаяние! Мороз по коже от этих страшных слов: «человек, тебя ожидает вечная смерть!» (Я уже не говорю о тех, скажу мягко, странных аргументах, которые приводит атеистическая вера в небытие Бога.) Одно это утверждение заставляет содрогнуться человеческую душу. – Нет, избавьте меня от такой веры.

Когда человек заблудится в лесу, ищет путь домой и вдруг, найдя кого-то, спрашивает: «Есть ли отсюда выход?» А тот ему отвечает: «Нет и не ищи, устраивайся здесь, как можешь», – то удовлетворит ли его такой ответ? Сомнительно. Не начнет ли искать далее? И найдя другого человека, который скажет ему: «Да, выход есть, и я тебе укажу признаки, по которым ты сможешь отсюда выйти», – то не ему ли он поверит? То же самое происходит и в области мировоззренческих исканий, когда человек оказывается перед лицом религии и атеизма. Пока у человека еще сохраняется искра искания истины, смысла жизни, он психологически не может принять концепции, утверждающей, что его как личность, а, следовательно, и всех людей ожидает вечная смерть. Каков смысл тогда нравственности, идеалов добра, жертвенности, любви к человеку, если завтра умрем?

Не менее убийственным для атеизма является вопрос: «Что я должен сделать, чтобы убедиться, что Бога нет?» – Стать ученым? Но сколько угодно верующих ученых. – Философом? Но среди них также множество верующих в Бога». (Остается одно – пойти на дискотеку, где концерт тяжелого рока – там точно Бога нет.) Но без ответа на этот вопрос атеизм оказывается не более, как слепой верой. Хотя ответ очевиден: есть только один путь, позволяющий убедиться в бытии или небытии Бога – это стать на путь религиозной жизни. Иного способа просто не существует.

Я отметил сейчас только одну сторону, психологически очень существенную, которой, как мне кажется, уже достаточно для каждого человека с живой душой, чтобы понять, что только то мировоззрение, которое принимает за свою основу Того, Кого мы называем Богом, позволяет говорить о смысле жизни.

Итак, я верю в Бога. Будем считать, что первую комнату мы прошли.

Теперь я вхожу во вторую... Но, Боже мой, что я здесь вижу и слышу? Народу полно, и каждый кричит: «Только у меня истина». И христиане, и мусульмане, и конфуциане, и буддисты, и иудеи и кого только нет. Вот и стоит он, верующий в Бога, посреди всех этих верующих, и ищет, кто же здесь прав-то, кому же верить? Вот задача...

Профессор Московской духовной академии А.И. Осипов. Лекция по основному богословию, прочитанная в Сретенском училище 13.09.2000.

Глава 2

Почему Православие есть истинная вера

Миф о «братстве религий»

В современном обществе очень популярна следующая идея: каждая религия открывает лишь часть истины, все религии в чем-то верны и все ведут к Одному и Тому же Богу, Который разным народам в разное время открывался по-разному. Попробуем поразмышлять над этими утверждениями.

В основе религий лежат откровения. Православное богословие выделяет три вида откровений. Общее Откровение, которое дается через особых, Богом избранных людей – пророков и апостолов. Это Откровение выражено Православной Церковью в Священном Писании и Священном Предании. Индивидуальное откровение, которое дается лично человеку с целью его назидания. Естественное откровение, т. е. те представления о Боге, человеке и бытии в целом, к которым можно прийти на основании изучения самого себя и окружающего мира. Многие исследователи религий отмечают сходство разных религий. Действительно, естественное и индивидуальное откровение доступно каждому.

Любая нехристианская религиозная система – это ошибочная система, содержащая некоторые истины. Попробуем обосновать данную позицию.

В чем уникальность христианства? В Личности Иисуса Христа. Все другие мировые религии – это, по своей сути, попытки человека своими силами взойти на небо. Кем были основатели остальных мировых религий? Людями, достигшими некоего духовного развития. Христианство – это единственная в мире религия, основанная Самим Богом. Проблема других религий заключается в том, что тайна Боговоплощения Иисуса Христа ими не осознана. Для мусульман Иисус Христос – пророк, для последователей New Age (Нью Эйдж) – человек, ставший Христом, для буддистов – бодхисаттва, но истинного представления об Иисусе Христе ни одна религия, кроме самого христианства, так и не познала. Во Христе человек воссоединился с Богом, этот факт уникален и ни в одной мировой религии не повторен. Рационального объяснения события Боговоплощения не существует, это вопрос веры. Но не затронуть эту тему в рамках рассматриваемого нами вопроса было бы нельзя. Теперь перейдем к дальнейшему сравнению христианства с другими религиями.

Прежде всего, в отличие от большинства мировых религиозных систем, и уж тем более от сект, христианство исторично, а не мифологично. В литературе первого и второго веков существует немало независимых исторических свидетельств о Христе и жизни первых христиан.

Христианство провозглашает самые высокие нравственные эталоны жизни, с которыми не может сравниться ни одна мировая религия. Именно христианство провозгласило, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 16). Любить же может только личность: Бог христиан Личен. В христианстве нравственные законы абсолютны, в отличие от всех пантеистических систем, где добро и зло одинаково иллюзорны. Но если не существует четкого разграничения добра и зла, то само понятие нравственности отменяется, оно просто исчезает. Индуизм и все оккультные течения и секты, основанные на пантеизме, по своей сути аморальны, что следует из их учения, при условии его непредвзятого исследования. Именно христианство провозгласило принцип свободы личности, которым так гордится Запад: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1, 26). Мы уважаем свободу личности, потому что это дар Бога, язычество же, основанное на пантеизме, уничтожает свободу, ведь система пантеизма гласит, что Бог растворен в каждом, личность – это ограничение, «маска», скрывающая Бога. Это

значит, что надо уничтожить личность, а значит, и свободу личности. Именно христианство заложило идею свободы от рабства, с которым языческое мировоззрение спокойно мирилось, считая его естественным. Христианство провозгласило ценность каждого человека и основным законом выдвинуло милосердие: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). Современное общество так гордится своими социальными достижениями, благотворительностью, но ведь они уходят своими корнями в христианское вероучение о любви к ближним. Если, например, следовать закону кармы, который многие наши сограждане считают прогрессивным по сравнению с «отсталым и архаичным» христианством, то из него следуют вывод о том, что все страдания являются следствием прошлых деяний человека, поэтому, помогая человеку, мы тем самым усугубляем его карму. Таким образом, с точки зрения учения о законе кармы, милосерднее было бы не спасать человека от страданий, а позволить ему мучиться, чтобы он быстрее «изжил» свою неблагоприятную карму.

Сторонники идеи существования «многих путей», ведущих к Богу, могут сказать, что полнотой истины не обладает ни одна религия. С этим утверждением можно было бы частично согласиться, но даже если мы не можем признать, что знаем о Боге абсолютно все, мы не можем сказать, что мы вообще не знаем о Нем ничего, соответствующего истине. А если это так, то на основании имеющихся знаний мы можем делать уже некоторые заключения об истинности других религий.

В логике есть закон исключенного третьего, суть которого сводится к тому, что два взаимоисключающих утверждения не могут быть одновременно истинными. Быть одновременно истинными эти два утверждения не могут. Сравним представление христиан о личностном Боге с пантеистичной безличностной концепцией бога. Безличная сила, в которой нет внутренних различий, не способна проявлять личностные качества, например, любовь, знание, сочувствие, разум, в то время как Личный Бог всем этим обладает. Отношение людей к Богу-Личности и к безличному богу принципиально отличаются, потому что в любых взаимоотношениях огромную роль играет нравственная сфера человека. Она же в этих концепциях не просто различна, но диаметрально противоположна. Как видим, эти две концепции никак не могут дополнить друг друга, они взаимно друг друга исключают.

За отстаивание христианами факта своей уникальности их постоянно обвиняют в нетерпимости к другим религиям. Но так ли это? К чему христианин должен быть терпим, а к чему нет? Терпимость можно считать приемлемой, если под ней понимается признание за каждым человеком права верить в то, что он считает истиной. Есть «социальная» терпимость, т. е. признание того, что ко всем людям нужно относиться с уважением, независимо от их религиозных убеждений. И есть «некритическая» терпимость, т. е. мнение, что никакие религиозные воззрения нельзя назвать ложными или менее значимыми, чем другие религиозные убеждения. Фактически «некритическая» терпимость означает запрет любой критики других учений. Вне всяких сомнений, христиане должны проявлять «законную» и «социальную» терпимость, но «некритическая» терпимость ставит под вопрос сам факт существования истины как таковой. Если такую терпимость сделать нормой, то почему бы и сатанизм с человеческими жертвоприношениями не объявить вне критики?

Христианам часто говорят, что Христос призывал не судить никого вокруг (Мф. 7, 1–15), но забывают добавить, что Он добавлял: «Не судите по наружности, но судите судом праведным» (Ин. 7, 24). Последователям «некритичной» веротерпимости следует напомнить, что главный вопрос заключается не в терпимости или отсутствии таковой у кого-либо, а в истинности исповедуемого мировоззрения, на основании которого строится вся жизнь человека, которое определяет его посмертную участь. Христиан любят обвинять в узости мышления, но это довод не рациональный, а скорее эмоциональный: если говорить правду является проявлением «узости мышления», то лучше «узко мыслить» таким образом, чем говорить ложь.

Утверждается, что есть учения, которые полностью примиряют религии между собой, которые нашли «золотой ключик», с помощью которого можно навсегда закрыть проблему межрелигиозного различия. Но это не более чем миф. На практике все выглядит совершенно иначе. Все подобные учения декларируют свою толерантность только на словах, в реальности они предлагают христианам полностью отказаться от своих догматов и последовать за ними. Например, ученик Рамакришны Свами Вивекананда пишет: «К настоящему времени Веды остаются вершинным достижением всего человеческого опыта, умозрений, анализа, воплощенным в книгах, отобранных и отшлифованных столетиями»³. О христианах же он пишет так: «Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью». В основном, все, кто заявляют о своей терпимости к другим религиям, просто лгут.

Питанов В.Ю., научный сотрудник Православного института религиоведения и церковных искусств

³ Свами Вивекананда. Практическая веданта. М.: Ладомир. 1993. С. 368.

Христианство истинно

Какая же из религий истинна? Наверное, та, которая может доказать свое Божественное происхождение. Ибо по определению Бог есть истина. Для этого религия должна представить объективные доказательства, свидетельствующие о том, что ее учение ни откуда не заимствовано, не было создано на основе каких-либо религиозных и философских систем. Так вот, христианство (и только оно) отвечает этим требованиям. Если вам придётся вести разговоры с представителями других религий на эту тему, то вы спросите: «Какие у вас есть аргументы, подтверждающие истинность вашей религии?» Вы даже не представляете, насколько безответен для них этот вопрос.

Христианство же имеет целый ряд объективных, я подчёркиваю, объективных аргументов, свидетельствующих о нём как о религии, имеющей своим источником именно Бога. Такое утверждение может показаться очень сильным, и потому оно требует для своего должного раскрытия специального времени. Кто заинтересуется данным вопросом, может познакомиться с ним на моем сайте, где есть лекции и на эту тему. Сейчас же лишь представлю эти аргументы.

Исторический. Он наглядно показывает, что в условиях жесточайших гонений на христиан в течение почти трех столетий со стороны иудеев и Римского государства, христианство без особой Божественной помощи не смогло бы выжить.

Духовно-нравственный – говорит о совершенно новом, «антирелигиозном» понимании спасения человека – первым в рай вошел разбойник.

Вероучительный – анализирует все основные истины христианства (о Боге Любви, Боге Троице, Логосе, Боговоплощении, распятом Спасителе, Воскресении Христа, спасении, таинствах, эсхатологии) в сопоставлении с учением предшествовавших религий и философских систем. Этот анализ показывает, что все специфически христианские истины веры являются принципиально новыми в духовной истории человечества. Даже Ф. Энгельс вынужден был констатировать, что христианство «встало в резкое противоречие по отношению ко всем существовавшим до нее религиям». Но если так, то откуда же оно возникло? Тем более, если учесть, что ни Иисус Христос, ни Его апостолы, в основном простые рыбаки, не были людьми образованными и не могли ни заимствовать извне столь высокие идеи, ни тем более создать такую принципиально новую религию силою своего ума. Поэтому остается только одно – признать Божественность Христа и, следовательно, истинность Его религии.

Проф. Московской Духовной Академии А.И. Осипов

Почему существует много религий?

Мы знаем, что только истинная религия – христианство была создана Самим Богом. Кем были созданы другие религии – обычными людьми, жаждавшими славы и власти, или сатаной, желавшим любыми путями увести людей от истинной веры Христовой? Почему Господь позволил некоторым из них так распространиться, что они считаются «мировыми религиями» наряду с христианством?

Религия есть союз человека с Богом. Этот союз предполагает не только устремленность человека к своему Творцу, но и живое, реальное воздействие Бога на личность человека. Этого нет там, где нет истинного познания Бога, т. е. в религиях, которые принято называть естественными, потому что происхождение их связано с проявлением естественных человеческих сил (разума, воли и чувств). Все они являются выражением субъективного стремления человека к Богу, которое не привело к подлинному Богообщению (в смысле союза человека с Богом). Возникает подмена: сверхъестественные воздействия на человека демонических сил принимаются за Божественную благодать. Это хорошо наблюдается в различных видах восточного оккультизма и в харизматических сектах.

Первая неистинная массовая религия в истории человечества – язычество. Грехопадение повредило человеческую природу. Своим пренебрежением Божественной заповеди человек отделился от Источника Жизни. Оставшись после падения при своих естественных, и притом испорченных, силах, люди неизбежно стали создавать искаженные образы сверхъестественного. Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила (Прем. Сол. 13, 1–2).

Почему Господь позволил некоторым из религий так распространиться? Потому, что Бог дал человеку свободу воли и не отнимает ее, если даже человек заблуждается. Ведь и атеизм и неверие тоже распространились в мире и составляют как бы мировую псевдорелигию, основанную на вере в абсолютность материи. Почему? Потому что человек свободен, и насильственно заставить его верить и спастись невозможно.

Иеромонах Иов (Гумеров). Православие. ru

Можно ли быть хорошим человеком без христианства?

«Разве нельзя быть хорошим человеком и без христианства?» – нередко спрашивают люди. Об этом меня попросили написать, и я пишу, но начну я немного издалека. Вопрос поставлен так, словно вы думаете: «Мне все равно, кто прав, христиане или материалисты. Мне все равно, каково мироздание. Я хочу правильно и счастливо жить и выберу не то, что верно, а то, что полезно».

Честно говоря, мне такой взгляд понять трудно. Человек, среди прочего, тем и отличается от животных, что ему хочется знать, какова действительность, не ради пользы, а просто так, ради знания. Когда же ему этого не хочется, он, по-своему, ниже человека. В сущности, я и не верю, что у кого-нибудь из вас нет этого желания. Наверное, вы слишком часто слышали от глупых проповедников, что христианство все у вас уладит, и забыли, что оно – не патентованные таблетки. Христианское вероучение сообщает нам некие факты, и если они неверны, ни один честный человек не вправе им верить, как бы они ни помогали; а если верны, всякий честный человек верить в них обязан, даже если помощи от них нет... Когда мы это поймем, мы поймем и другое. Если христианство истинно, просто не может быть, чтобы приверженцы его и противники были одинаково оснащены для «хорошей, правильной жизни».

Представьте себе, что вы хотите помочь дистрофику. Не зная медицины, вы его плотно накормите, и он умрет. Нелегко действовать в темноте. И христианин, и неверующий могут желать ближнему добра. Но один считает, что люди живут вечно, созданы Богом и лишь в Боге находят истинную и прочную радость, а другой считает, что они – случайный плод слепой материи, что живут они лет семьдесят, счастье их зависит от комфорта, удовольствий и т. п., а все на свете – аборты, вивисекция, законодательство, воспитание – хорошо или плохо только в зависимости от того, способствует ли оно такому счастью.

Во многом эти два человека согласятся. Оба считают, что людей надо лечить, кормить, одевать. Но рано или поздно разница в вере начнет сказываться. Например, материалист просто спросит: «Лучше ли от этого большинству?», а христианин может сказать: «Если и лучше, мы – против, ибо это несправедливо». И вечно, всегда их будет разделять черта, четкая, как меч. Для материалиста нация, класс, цивилизация важнее человека, так как «дней наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят» (Пс. 89, 10), сообщество же может продержаться гораздо дольше. Для христианина человек важнее всего, ибо он живет вечно, и перед ним цивилизации и расы – просто однодневки. Христиане и материалисты по-разному видят мироздание. Прав кто-то один, а тот, кто неправ, неизбежно станет действовать по закону своего, ложного мира; и при самой доброй воле помощь его будет ближнему в погибель. При самой доброй воле... Значит, он ни в чем не виноват? Значит, Бог (если Он, конечно, есть) с него не спросит? Но ведь нас волновало не это! Я не верю, что вы готовы действовать в темноте всю жизнь, сея несметное множество зол, если за себя вы спокойны. Не верю, что вы, мой читатель, пали так низко. Если же пали – и для вас найдутся доводы.

Не думайте, что вопрос в том, может ли кто-нибудь быть хорошим без христианства. Перед каждым из нас стоит другой вопрос: «Могу ли я?» Все мы знаем, что вне христианства были хорошие люди – скажем, Сократ и Конфуций, которые о нем не слышали, или Джон Стюарт Милль, не веривший в него. Если христианство истинно, люди эти пребывали в честном неведении или в честном заблуждении. Если воля их была так добра, как мне кажется (ведь я, что ни говори, не знаю тайны их сердец), мы вправе верить и надеяться, что Бог в Своем милосердии сумел исправить и предотвратить зло, которое они причинили бы по неведению и себе, и тем, на кого они влияли. Но вы, задавший мне этот вопрос, – в ином положении. Если бы вы о христианстве не слышали, вы бы и не спрашивали. Если бы, услышав, серьезно все обдумали и отвергли, вы бы тоже не спросили. Значит, на самом деле вы спрашиваете: «Стоит

ли мне беспокоиться? Не проще ли жить, как жил? Разве мало доброй воли? Разве непременно надо стучаться в страшную дверь?»

Прежде всего, я отвечу, что вы собираетесь быть хорошим, не зная, что такое «хорошо». Но этого мало. Незачем спрашивать, накажет ли вас Бог за леность и малодушие; они сами себя накажут. Ведь вы передергиваете. Вы намеренно не хотите знать, истинно ли христианство, потому что боитесь, что с ним хлопот не оберешься. Так мы нарочно забываем посмотреть на доску объявлений, чтобы не увидеть там своего имени, или зайти в банк и справиться, не кончился ли наш счет. Так мы избегаем врача, чтобы не узнать о своей болезни. Человек, не верующий по этим причинам, не находится в честном заблуждении. Он – в заблуждении нечестном, и нечестность эта окрасит его дела и помыслы, так как он утратил девственность разума. Если вы просто избегаете Его, переходите на другую сторону улицы, не снимаете телефонной трубки, не распечатываете писем, – это дело другое. Быть может, вы и впрямь не уверены, надо ли быть христианином, но вы прекрасно знаете, что надо быть человеком, а не страусом. Честь разума пала в наши дни так низко, что меня спросят: «А какая мне польза? Стану ли я счастливее? Стану ли лучше? Если вы в этом ручаетесь, что ж, приму христианство». Но я не хочу отвечать на этом уровне. Вот – дверь, за которой вас ждет разгадка мироздания. Если ее там нет, христиане обманывают вас, как никто никого не обманывал за все века истории. И всякий человек (человек, не кролик) просто обязан выяснить, как обстоит дело, а потом – или всеми силами разоблачать преступный обман, или всей душой, помышлениями и сердцем предаться истине. Неужели вам безразлично все, кроме «правильной жизни»? Ладно, скажу уж: христианство поможет вам, и гораздо больше, чем вы думаете. А первая помощь будет в том, что оно вобьет вам в голову очень важную и не очень приятную вещь. Все, что вы до сих пор считали «приличной», или «правильной», жизнью, – добропорядочность, благодушие и многое другое – совсем не так всецелительно, как вам казалось. Христианство научит вас, что вы и дня не можете пробыть «хорошим» без Божьей помощи. Потом оно научит еще, что если бы вы и смогли, вы все равно не достигли бы того, для чего вы созданы. Простая «нравственность» – не цель жизни. Вам уготовано иное. Милль и Конфуций (о Сократе не говорю, он был гораздо ближе к истине) просто не знали, для чего мы живем. Не знают этого и те, кто задает вопрос, с которого начинается статья. Если бы они знали, они бы поняли, что «порядочность» – чистейшая ерунда перед истинным замыслом о человеке. Нравственность необходима; но жизнь в Боге, к которой мы призываем, просто поглощает, вбирает ее. Мы должны родиться заново. Все кроличье в нас должно исчезнуть – и то, что роднит нас с похотливым кроликом, и то, что роднит нас с кроликом ответственным, порядочным, приличным. Шерсть будет вылезать с кровью, и, изнемогши от крика, мы вдруг обнаружим то, что было под шкуркой, – Человека, сына Божия, сильного, мудрого, прекрасного и радостного.

«Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1 Кор. 13, 10). Желание «быть хорошим без Христа» зиждется на двух ошибках. Во-первых, это вам не под силу, во-вторых, это не цель вашей жизни. Нельзя взобраться самому на высокую гору праведности, но если бы мы и взобрались, мы бы погибли во льдах и разреженном воздухе. Начиная с определенной высоты, не помогут ни ноги, ни топорик, ни веревка. Нужны крылья; дальше придется лететь.

К. С. Льюис. Тихоновский благовест, № 3 (15), 2005.

Спаситель безнадежных, или можно ли быть хорошим и не спастись

Разговор начистоту

Здравствуйте. Хочу задать вопрос, который возник у меня после прочтения нескольких книг о Православии. Везде написано, что христианство – религия спасения, что главная задача христианина – спастись. Насколько я понимаю, спастись – значит прожить жизнь так, чтобы Бог взял тебя в Рай. А для этого нужно делать добро и избегать зла. Это очень красиво и убедительно.

Но я не понимаю, почему для этого обязательно нужно становиться христианином? Ведь вокруг множество хороших, добрых людей, не исповедующих христианство, которые, тем не менее, стремятся строить свою жизнь по такому же принципу: творить добро и не делать никому зла.

Выходит, что добро, сотворенное неверующими людьми, негодно Богу христиан? Но в таком случае добро неверующих людей в нравственном смысле – выше, потому что оно – бескорыстно. Ведь христианин творит добро в надежде на воздаяние от Бога, а неверующий не ждет награды и творит добро ради самого добра.

Так можно ли быть хорошим человеком и не спастись лишь потому, что ты – не член Церкви?

С уважением, Сергей Николаевич

Хорошие люди – спасаются. Плохие, соответственно – погибают. Такое понимание спасения – не редкость в современном мире. Все тут, вроде бы, ясно, логично и не нуждается в пояснениях. Но давайте попытаемся разобраться: а кто же такой этот самый – хороший человек? По каким признакам можно определить, что вот этот человек – хороший, и достоин спасения, а вон тот – так себе человечешко и спасения не заслуживает?

Здесь мы сразу столкнемся с рядом проблем. Предположим, водопроводчик дядя Вася регулярно пропивает зарплату и бьет свою жену. А его сосед, профессор математики – человек непьющий, добросовестный труженик и прекрасный семьянин. Кто из них хороший, а кто плохой? Ответ, казалось бы, очевиден: конечно, профессор хороший, а водопроводчик – редкостная дрянь. Но вот студенты, которых профессор «заваливает» на каждой сессии по малейшему поводу, вряд ли согласятся с подобной оценкой нелюбимого преподавателя. А собутыльники водопроводчика, напротив, убеждены, что дядя Вася – прекрасный человек, а его жена – кобра, мешающая культурному отдыху настоящих мужчин.

Причина такой путаницы, как это ни странно – в отсутствии объективных критериев понятия «хороший человек». Представления о добре и зле в массовом сознании сегодня, к сожалению, весьма бессистемны, слабо осмыслены и не имеют под собой никакого основания, кроме личных предпочтений, расхожих стереотипов и мнений, сложившихся в силу влияния социальной среды, полученного воспитания и образования. То, что считает для себя порядочным один человек, другой, возможно, оценит как недолжный, нечестный поступок. Поэтому категории «хорошо-плохо» в светской этике сегодня все больше напоминают формулировку Лесковского персонажа: «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». Можно, конечно, попытаться вывести четкие этические критерии из мнения статистического большинства. Но двадцатый век убедительно доказал, что в разделении людей на плохих и хороших ошибаться

могут даже целые народы. А ошибки такого масштаба всегда чреватые колючей проволокой нового ГУЛАГа, или печами очередного Освенцима.

Но если мы обратимся к христианской этике, мы увидим еще более загадочную картину. Дело в том, что в христианстве вообще нет понятия «хороший человек». Ни в одной из двадцати семи книг Нового Завета это словосочетание не встречается ни разу. В христианстве человек не отождествляется со своими качествами и поступками. Иначе говоря, поступающий плохо не назван в Евангелии – плохим. Равно как и совершающий хорошие дела не определяется как – хороший. Более того, у христиан есть строгий запрет на определения подобного рода. Господь говорит: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете». Поэтому очевидно, что критерии спасения следует искать там, где не происходит деления людей на плохих и хороших.

Разбойники, мытари и блудницы

В «Записных книжках» И. Ильфа и Е. Петрова есть замечательный по своей нелепости лозунг, подсмотренный ими на спасательной станции одного из одесских пляжей. Лозунг гласил: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Абсурдность подобного метода спасения на водах очевидна. Ведь утопающий – это тот, кто действительно нуждается в спасении, кто погибает и помочь себе уже не в состоянии. А если у купающегося человека на воде возникли какие-то проблемы, но он в состоянии справиться с ними без посторонней помощи, то вряд ли можно назвать его утопающим.

Рассмотрев христианское учение о Спасении, мы обнаружим тот же принцип: спасти можно только погибающего. На протяжении всего Евангельского повествования Христос постоянно общается с людьми, которых вряд ли можно назвать хорошими. Мытари, блудницы, законченные грешники приходили к Нему в надежде на прощение своих грехов. И никто из них не был Им осужден или отвергнут. Более того, первым человеком, вошедшим в Царствие Небесное, стал... уголовный преступник, разбойник, распятый рядом с Христом на Голгофе. Вот как говорит об этом Евангелие: «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. ...Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Но кого же тогда осуждает Христос? Как ни странно – тех, кого их соплеменники считали безусловно хорошими людьми, и даже праведниками: фарисеев, книжников и старейшин Иудейских. «...Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие». Кто такие блудницы, сегодняшнему читателю объяснять не надо. А мытарями в Евангелии названы набранные из местного населения сборщики налогов в римскую казну. Пользуясь своим привилегированным положением, они бессовестно обирали земляков, взимая с них много больше положенного. В общем – нечто среднее между проворовавшимися налоговыми инспекторами и полициями времен Великой Отечественной. И такой вот народ был оценен Христом выше, нежели знатоки и ревнители иудейского Закона!

А причина такой оценки очень проста. Все грешники, приходившие ко Христу просить его о прощении своих грехов, были совершенно уверены, что не имеют никаких заслуг перед Богом. Это были изгои, отверженные своим народом. Все они знали, что ничего, кроме осуждения, ни у людей, ни у Бога не заслужили. Кроме милости Божией, им не на что было рассчитывать. И они получили эту милость. Это, конечно, не значит, будто Христос спасает только

преступников и негодяев. Просто опустившийся до дна лучше понимает, что тонет. А от дна иногда удобнее оттолкнуться.

В одной из книг Библии Бог назван удивительными словами – «Спаситель безнадежных». В этой фразе очень точно выражена сама сущность христианства. Кого спасает Христос? Тех, кто, оказавшись в безвыходной ситуации, просит Его о помощи, ни на что более не надеясь. Эти погибающие люди и называют себя христианами. А делить гибнущих на «плохих» и «хороших» не принято даже у спасателей с одесского пляжа. И если хороший человек, не будучи христианином, надеется спастись, этому может быть лишь два объяснения. Либо такой человек не понимает кто такие христиане, либо не считает свое положение окончательно безнадежным. Он может надеяться на собственные силы или на помощь кого-то еще, кроме Христа. И это – его законное право. Бог не отнимает у человека свободы выбора. Но всем хорошим (да и плохим тоже) людям нужно ясно понимать масштаб беды, от которой Христос спасает тех, кто согласился назвать Его своим Господом. Потому что Христос спасает Своих людей от смерти.

Свободолюбивый водолаз

Ни один человек не знает своего будущего. Мир вокруг нас постоянно и стремительно меняется. Вместе с ним меняемся и мы сами. Каждое прожитое мгновение приносит в нашу жизнь новые обстоятельства, заставляющие нас корректировать свои планы даже на самое ближайшее время. Мы можем лишь предполагать с разной степенью уверенности, что с нами произойдет, а чего мы попытаемся избежать. И лишь в одном факте нашей будущей биографии каждый из нас может быть абсолютно уверен. Мы все умрем.

Каждый – в свой срок. Одни – от старости, другие – от болезней или несчастных случаев...

Но умрем обязательно. Человек боится смерти и не любит о ней думать. Но это не меняет дела. По сути, мы начинаем умирать в момент своего рождения. И каждая секунда приближает нас к концу нашей жизни. Вот тут и возникает вопрос вопросов. Если смерть – полное прекращение бытия человеческой личности, то совершенно непонятно: а зачем все это было нужно? Ну жил человек какое-то время, ну радовался, страдал... Пытался познать мир, себя в этом мире, искал смысл своего существования. А смысл оказался в том, что и сам он, и его дети и дети их детей, все без исключения приговорены к смерти. И остается лишь потратить оставшееся время жизни на получение максимального количества удовольствий. Которые, правда, тоже довольно быстро приедаются. Но это все-таки лучше, чем ничего...

Христианство предлагает совершенно иной взгляд на жизнь и смерть. Человек рождается для того, чтобы жить вечно. Смерть для христиан не конец, а просто переход к другой форме существования. И качество этого существования напрямую зависит от того, как человек прожил свою земную жизнь. Иными словами, мы можем использовать свою жизнь как ступеньку к Жизни Вечной. А вот каким образом это происходит, мы можем понять лишь, выяснив, что такое смерть и откуда она появилась.

Христианское вероучение утверждает, что Бог не сотворил смерти. С религиозной точки зрения смерть – результат неверно употребленной свободы, которую Бог предоставил первым людям. Человек был создан с очень высоким предназначением – быть заместителем Бога на земле. По замыслу Божию, он должен был царствовать над всем материальным миром, выполняя волю Божию об этом мире. Но человек мог также отказаться от этой миссии и начать жить по своей воле. К сожалению, первые люди избрали второй вариант отношений с Богом. Но ведь человек не имеет в себе источника жизни, поскольку эту жизнь дал ему Бог. Что же происходит с живым существом, оторвавшимся от источника своей жизни? На эту тему в современной православной публицистике есть расхожий аллегорический сюжет.

Предположим, водолаз работает глубоко под водой, на морском дне. Воздух, необходимый для дыхания, поступает к нему с поверхности моря по шлангу. И вдруг водолаз решает, что этот шланг сковывает его свободу передвижения. Чтобы спокойно ходить по дну в любом направлении на большие расстояния, водолаз перерезает шланг... Дальнейшая его судьба – очевидна.

Отпав от Бога, человек начал умирать. Эта смертность перешла по наследству и всем его потомкам. Отпадение от Бога как источника жизни вызвало патологические изменения в духовной и физической природе человека. Он, можно сказать, заразился смертельным заболеванием, которое передается по наследству и, несмотря на все человеческие усилия, неизлечимо.

Но «...невозможное человекам, возможно Богу». Сам Создатель этого мира пришел к людям, чтобы исцелить больную природу человека и восстановить связь человека с Богом, которую первые люди так неосмотрительно разрушили. Отпадение произошло из-за уклонения человеческой воли ко злу. Следовательно, для того чтобы спастись, человек должен привести свою волю в соответствие с Волей Божией, которая выражена в заповедях. Вот, казалось бы, и ответ на вопрос: можно быть просто хорошим человеком, исполнять заповеди и, тем самым – спастись, не будучи при этом христианином. И здесь мы сталкиваемся еще с одним парадоксом христианства. Дело в том, что важнейшим моментом в вере христиан является их убеждение в полной своей неспособности к исполнению какой-либо Божией заповеди.

Корысть – значит польза

В христианском понимании добро – это следование замыслу Бога о мире и человеке, а зло – уклонение от Божией воли. Отпадение от Бога искалечило нравственную природу человека. Все его душевные качества, изначально предназначенные для добрых дел, пришли в расстройство. Добро падшего человека оказалось перемешанным со злом. Даже зная, что такое добро, в чем Воля Божия, человек не в состоянии ее выполнить при самом горячем своем желании. В этом легко убедиться каждому. Стоит, например, попытаться хотя бы на один день прекратить делить людей на плохих и хороших (т. е. исполнить заповедь о неосуждении ближнего). И сразу станет ясно – мы на это не способны. Наша больная природа мешает нашим благим намерениям. Вот как об этом писал апостол Павел: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю». Водитель, нарушивший правила дорожного движения и попавший в аварию, не может ехать дальше вовсе не потому, что забыл правила. А потому, что у него сломаны руки.

И если бы Христос дал людям заповеди просто как формальное знание о добре, это было бы невероятно жестоко. Заповеди оказались бы тогда для падшего человека непреодолимой стеной. Но Господь пообещал свою помощь любому, кто решится жить по Его Заповедям: «...И вот, Я с вами во все дни до скончания века». Эту Божию помощь в совершении добра христиане называют – Благодатью. И ни одно из добрых дел, совершенных ими, они не приписывают себе. Источник любого добра для христиан – их Бог, который сказал: «Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе; так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего». От человека требуется лишь проявить волевую решимость к исполнению Заповеди. А силы на это исполнение дает Бог. Такое сотворчество человека и Бога в деле спасения богословие называет «синергией».

И мысль о том, будто христиане делают добро в надежде на награду, может возникнуть лишь у того, кто не знает слов Христа: «...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать».

Церковь – это больница. Врач в этой больнице – Христос. А христиане – всего лишь больные, старающиеся точно исполнять предписания Врача. Выздоровление, в известном смысле, действительно можно рассматривать как награду за решимость отправиться на излечение.

Но ведь спасение – это единение человеческого духа с Духом Божиим. И если человек делает добро, не имея в виду этой цели, то, наверное, есть смысл вспомнить о том, что слово «корысть» употребляется в русском языке и в значении – «польза». Бескорыстное творение добра может оказаться для человека – бесполезным, если не приводит его к Источнику всякого добра.

Самая страшная болезнь

Тертуллиан писал, что душа человеческая по самой природе своей христианка. Ведь Бог создал людей по подобию Своему. Поэтому стремление делать добро является естественным свойством и потребностью любого человека, независимо от его религиозных убеждений. Это и есть тот самый нравственный закон в человеке, который так удивлял Иммануила Канта. И людей, стремящихся следовать этому естественному закону добра, очень много. Несмотря на поврежденность Образа Божия, человек бережно хранит в себе искорки природного добра, интуитивно понимая, что это самое ценное его достояние.

Так изможденный долгими странствиями в пустыне путник дорожит флягой с последним запасом воды. Вода эта – мутная и плохо пахнет, но для путника она ценнее всех сокровищ мира. И вдруг за очередным барханом перед ним открывается огромное озеро, наполненное удивительно чистой и свежей водой. И что же делать этому путнику? Он может кинуться к озеру из последних сил, бросая все, что мешает бежать, чтобы быстрее окунуться в спасительные прохладные волны. Но может решить для себя, что вода у него еще осталась, и будет идти вдоль берега, пока не кончится его скудный запас. А потом умрет от жажды, так и не прикоснувшись к прозрачной воде, которая плескалась у самых его ног.

Христос сказал: «Кто жаждет, иди ко мне и пей». Сказано это о жажде добра, о стремлении к истине, как – к высшему благу. И тем, кто творит добро ради самого добра, Господь обязательно открывает Себя. А вот примет ли человек Христа как своего Спасителя или посчитает для себя достаточным просто следовать Его Заповедям, как еще одному из множества этических учений – это дело личного выбора каждого человека, будь он хороший или плохой. Но когда человек считает Христа – Богом, и все же надеется спастись собственными добродетелями, тогда он и вправду рискует остаться вне спасения, даже если является членом Церкви. Потому что самая страшная болезнь человеческого духа – уверенность в собственном здоровье.

Александр Ткаченко, «Фома» № 4 за 2006 год

О том, почему каждому образованному человеку необходимо узнать Православие

Сейчас говорят и знают в основном, о буддизме, о йоге. О политике. О науке. О спорте. О вещах очень или не очень далеких... Но что мы знаем о том, что всегда было и есть РЯДОМ с нами? Что мы знаем о Православии?

Мы (я буду говорить «мы», потому что Православие не учит делить живых людей на своих и чужих, на спасенных и не спасенных, не ставит крещеного выше некрещеного; каждый может погибнуть, и каждый может обрести спасение) – мы жаждем свободы. Это главная ценность современной цивилизации – свобода. «Пусть мне ничего не навязывают, пусть мне покажут, и я сам стану выбирать все лучшее» – вот наш девиз.

Что же, пусть будет так. Но из чего выбирать и что выбрать? Если, например, выбор заключается в том, чтобы выбрать между Кока– и Пепси-колой, то это, согласитесь, не более чем профанация выбора. Или если наша свобода предполагается в пределах двух измерений, и никак не хочет учитывать третьего – то это свобода... ползать по плоскости.

Наконец, если решая вопрос «как жить», мы заранее отказываемся рассматривать православный ответ как одну из серьезных альтернатив – то, значит, и выбор наш является менее свободным.

Какая же это свобода выбора, если у нас с вами знаний о вере отцов значительно меньше, чем о тибетской Шамбале?

Кто-то из нас скажет: «Да знаем мы эту самую веру! Знаем мы эти свечки, иконы и поклоны, эти страдания адом за «грехи» и обещания райских куш.

А все-таки – знаем ли? Помним ли?

Россия, начало 20-х годов. Один из тысяч эпизодов тогдашней жестокой действительности: на краю братской могилы выстроены сорок арестованных. Это сорок «церковников» – как их тогда называли – совершенно разных по возрасту и образованию людей.

Работник ВЧК приставляет к голове очередного «церковника» револьвер и спрашивает: «Есть Бог? Если скажешь «нет» – мы тебя отпустим». И вот каждый из этих, в жизни своей очень разных людей, коротко отвечает: «Есть»... Их расстреляли.

Но зачем они решили умереть? Допустим, все они примитивные, дремучие фанатики, верящие всяким «бредням». Но ведь почему-то из-за этих «бредней» безоружных, и, по существу, ничем не способных помешать новой власти людей понадобилось арестовывать, допрашивать, охранять, держать в камерах, а потом расстреливать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.